

Г. Спенсер

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Г11

Г11 **Г. Спенсер**
Основные начала / Г. Спенсер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 476 с.

ISBN 978-5-458-50217-7

Спенсер стоит на позиции примирения науки и религии. С одной стороны он признаёт неизбежность и очевидную полезность науки, а с другой осознаёт её пределы, сравнивая развитие науки с надуванием шара: "всякое увеличение его поверхности лишь увеличивает размер его соприкосновения с окружающим незнанием". Отсюда он приходит к позиции релятивизма. Вместе с тем он решительно критикует взгляд, будто религия - это выдумка жрецов. Предметом религии Спенсер называет "нечто находящееся за пределами опыта", а именно силу, вызывающую всю совокупность движения в нашем мире. Ни одна религия не является для него предпочтительной, но все в той или иной мере выражают истину непознаваемого.

ISBN 978-5-458-50217-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

скихъ мыслей и чувствъ въ необходимомъ порядкѣ ихъ эволюціи; окружающія естественныя условія и постоянно усложняющіяся условія, порождаемыя самимъ обществомъ.

II. **Индукція социологін.** Общіе факты структуры и функцій, получаемыя обзоромъ обществъ и ихъ измѣненій; иначе сказать, эмпирическія обобщенія, получаемыя чрезъ сравненіе разныхъ обществъ и преемственныхъ фазисовъ одного и того-же общества.

III. **Политическая организація.** Общая и мѣстная эволюція правительствъ въ ея зависимости отъ естественныхъ причинъ, разные типы правительствъ и ихъ метаморфозы; возрастанія сложности и специализація въ правительствахъ и постепенное ограниченіе ихъ функцій.

Томъ II.

IV. **Церковная организація.** Изложеніе дифференціація религіознаго правительства отъ свѣтскаго; постепенныя усложненія религіознаго правительства и возрастаніе числа вѣроисповѣданій; развитіе и непрерывное видоизмѣненіе религіозныхъ идей, производимое развитіемъ знанія и измѣненіемъ нравственныхъ качествъ; и постепенное примиреніе этихъ идей съ истинными абстрактной науки.

V. **Организація обычаевъ.** Естественная исторія этого третьяго правительства, имѣющаго общій корень съ другими правительствами и постепенно отдѣляющагося отъ нихъ, дополняющаго ихъ и регулирующаго мелкія житейскія дѣла.

VI. **Промышленная организація.** Развитіе промышленныхъ и распределительныхъ дѣятельностей, рассматриваемое по прежнему со стороны его необходимыхъ причинъ, и состоящее не только въ постепенномъ раздѣленіи труда и возрастаніи сложности каждой промышленной дѣятельности, но и въ преемственности формъ промышленнаго правительства, проходящаго чрезъ такіе-же фазисы, какъ политическое правительство.

Томъ III.

VII. **Прогрессъ языка.** Развитіе языковъ, рассматриваемое, какъ психологическій процессъ, опредѣляемый общественными условіями.

VIII. **Умственный прогрессъ.** Рассмотрѣніе его съ той-же точки зрѣнія: развитіе классификацій; эволюція науки изъ житейскаго знанія; прогрессъ ея отъ качественного опредѣленія будущихъ явленій къ количественному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному и отъ конкретнаго къ абстрактному.

IX. **Эстетическій прогрессъ.** Такое же рассмотрѣніе пятичныхъ искусствъ: изложеніе ихъ постепенной дифференціаціи отъ первобытныхъ учреждений и другъ отъ друга; возрастаніе разнообразія ихъ при ихъ развитіи и ихъ прогрессъ относительно реальности выраженія и возвышенности цѣли.

X. **Нравственный прогрессъ.** Здѣсь показывается происхожденіе постепенныхъ видоизмѣненій чувства, происходящихъ въ человеческой природѣ при ея приспособленіи къ общественному состоянію.

XI. **Гармонія.** Здѣсь излагается необходимая взаимная зависимость устрой-

ства и функций въ каждомъ типѣ общества и въ преемственныхъ фазахъ общественнаго развитія.

ОСНОВАНІЯ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Томъ I.

Часть I. Даниая нравственности. Обобщенія, доставляемыя биологією, психологією и соціологією, служащія основаніями истинной теоріи практической справедливости; иначе сказать, элементы равновѣсія между организацію и условіями жизни, составляющаго и нравственный идеаль, и предѣлъ, къ которому ведетъ насъ прогрессъ.

II. Индукція нравственности. Тѣ эмпирически установленныя правила человѣческихъ поступковъ, которые считаются существенными законами у всѣхъ цивилизованныхъ націй, т. е. обобщенія полезности.

III. Личная нравственность. Принципы поступковъ въ частной жизни, физическіе, умственные, нравственные и религіозные, проистекающіе изъ условій, необходимыхъ для полной индивидуальной жизни; иначе сказать, тѣ способы дѣйствій въ частной жизни, которые должны проистекать изъ уравновѣшенія внутреннихъ желаній и вѣншихъ потребностей, составляющаго предѣлъ эволюціи.

Томъ II.

IV. Справедливость. Взаимныя ограниченія поступковъ людей, необходимо проистекающія оттого, что люди живутъ вмѣстѣ, какъ единицы общества,—ограниченія, полное соблюденіе которыхъ образуетъ состояніе равновѣсія, составляющаго цѣль политическаго прогресса.

V. Отрицательная добрая дѣятельность. Тѣ вторичныя ограниченія, происходящія изъ той же необходимости, которыя, будучи менѣе важны и не подчинены положительнымъ законамъ, нужны однако же для того, чтобы предотвращать взаимное разрушеніе счастья косвенными способами; иначе сказать—мелкія самоограниченія, внушаемая симпатією, которую можно назвать пассивною.

VI. Положительная добрая дѣятельность. Она обнимаетъ собою всѣ тѣ, внушаемые дѣятельною симпатією, способы дѣйствій, при которыхъ человекъ находитъ удовольствіе въ доставленіи удовольствій, —тѣ способы дѣйствія, которые порождены и должны постоянно обобщаться приспособленіемъ человека къ общественному быту, и которые, сдѣлавшись всеобщими, должны довести до полноты возможную мѣру человѣческаго счастья.

Я разсудилъ перепечатать эту программу по двумъ соображеніямъ: первое изъ нихъ то, чтобы читатели могли отъ времени до времени справляться съ нею о томъ, въ чемъ будетъ состоять содержаніе томовъ, изданіе которыхъ они будутъ ожидать; второе то, чтобы сохранился эскизъ плана, если планъ не будетъ выполненъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть I. Непознаваемое.

Главы.	Стр.
I. Религія и наука	1
II. Основныя идеи религіи	20
III. Основныя идеи науки.	39
IV. Относительность всякаго знанія.	57
V. Примиреніе.	82

Часть II. Познаваемое.

I. Опредѣленіе философіи	104
II. Даныя философіи	111
III. Пространство, время, матерія, движеніе и сила.	130
IV. Неуничтожимость матеріи	143
V. Постоянство движенія	150
VI. Постоянство количества силы.	158
VII. Постоянство отношеній между силами	165
VIII. Превращеніе и эквивалентность силъ	168
IX. Направленіе движенія	190
X. Ритмъ движенія	212
XI. Обзоръ и критика предыдущаго; новое продолженіе	230
XII. Эволюція и распаденіе	235
XIII. Простая и сложная эволюція.	242
XIV. Законъ эволюціи.	259
XV. Законъ эволюціи, продолженіе	276
XVI. Законъ эволюціи, продолженіе	303
XVII. Законъ эволюціи, оковчаніе	319
XVIII. Объясненіе эволюціи	332
XIX. Неустойчивость однороднаго	335
XX. Возрастаніе числа слѣдствій	361
XXI. Группировка	384
XXII. Уравновѣшеніе	404
XXIII. Распаденіе	426
XXIV. Общій обзоръ и заключеніе	450

ЧАСТЬ I.

Непознаваемое.

ГЛАВА I.

Религія и наука.

§ 1. Мы слишком часто забываемъ, что не только есть a soul of goodness in things evil, „душа добра въ дурномъ“, но вообще есть и душа истины въ ошибочномъ. Многие допускаютъ вѣроятность того, что ложь имѣеть въ себѣ обыкновенно зерно реальнаго, но немногіе помнятъ объ этой абстрактной вѣроятности, когда произносятъ сужденіе о мнѣніи другихъ. Убѣжденіе, окончательно найденное рѣзко разногласящимъ съ фактами, отбрасывается съ негодованіемъ или презрѣніемъ; и въ горячности антагонизма почти никто не хочетъ поискать, чѣмъ же это убѣжденіе привлекало къ себѣ умы людей. А что-нибудь такое должно было быть въ немъ. И надобно предполагать, что это привлекавшее людей къ нему соответствовало чему-нибудь испытываемому ими; соответствіе было, быть можетъ, очень маленькое или неточное; но оно было. О молвіѣ, даже и самой нелѣпой, почти всегда можно доискаться, что она относится къ какому-нибудь дѣйствительному случаю; и если-бъ не было этого дѣйствительнаго случая, не могло бы возникнуть и нелѣпаго искаженія его пересказомъ. Изуродованный или увеличенный образъ, передаваемый намъ преломляющею средою молвы, очень непохожъ на дѣйствительность; но если бы не было дѣйствительности, не было-бъ и изуродованнаго или увеличеннаго образа. То же самое относительно мнѣній вообще. Они могутъ казаться намъ совершенно ложными. Но самое существованіе ихъ показываетъ, что они порождены фактами дѣйствительности, первоначально содержали и, быть можетъ, остаются еще содержащими въ себѣ какую-нибудь, хоть маленькую, долю истины.

Въ особенности можемъ мы смѣло принимать это относительно убѣждений, существующихъ издавна и широко распространенныхъ; и наиболѣе смѣло относительно убѣждений, существовавшихъ всегда и почти или вполнѣ всеобщихъ. Вѣроятность въ пользу того, что мнѣніе не совершенно ошибочно, возрастаетъ сообразно числу его приверженцевъ. Мы должны полагать, что жизнь невозможна безъ нѣкоторой ответственности между внутренними убѣжденіями и внѣшними обстоятельствами; и потому вѣроятности всегда въ пользу того, что данное убѣжденіе справедливо, если не вполнѣ, то хотя отчасти; слѣдовательно, мы должны полагать, что убѣжденія, которыхъ одинаково держатся многіе, имѣютъ, по всей вѣроятности, какое-нибудь основаніе. Устраненіе индивидуальныхъ ошибокъ мысли должно придавать получаемому въ результатѣ сужденію нѣкоторое увеличеніе цѣнности.—Можно сказать противъ этого, что многія изъ широко-распространенныхъ мнѣній принимаются лишь по довѣрію къ авторитету; что люди, держащіеся ихъ, не дѣлаютъ никакихъ попытокъ провѣрять ихъ; а изъ этого можно выводить, что многочисленность приверженцевъ мало увеличиваетъ шансы мнѣнія оказаться справедливымъ. Но это не такъ. Если мнѣніе приобретаетъ широкую распространенность безъ критическаго разсмотрѣнія его, тѣмъ самымъ ужъ доказывается, что оно имѣетъ общую сообразность съ разными другими мнѣніями принимающихъ его; а эти ихъ мнѣнія основаны на личномъ наблюденіи и сужденіи и потому даютъ косвенную гарантію истинны мнѣнію, съ которымъ гармонируютъ. Быть можетъ, эта гарантія имѣетъ мало цѣнности; но какую-нибудь цѣнность она все-таки имѣетъ.

Если мы можемъ достигнуть опредѣлительныхъ понятій объ этомъ, они будутъ чрезвычайно полезны намъ. Для насъ важно составить себѣ, если возможно, нѣчто въ родѣ общей теоріи относительно господствующихъ мнѣній, чтобъ умѣть цѣнить ихъ не выше и не ниже чѣмъ должно. Достиженіе до правильныхъ сужденій по спорнымъ вопросамъ очень много зависитъ отъ настроенія ума, какое мы сохраняемъ, слушая споръ или участвуя въ немъ; а чтобы сохранить надлежащее настроеніе ума, намъ необходимо узнать, насколько справедливы, и съ тѣмъ вмѣстѣ насколько несправедливы человѣческія мнѣнія средняго уровня. Съ одной стороны, мы должны держаться свободными отъ предубѣжденія въ пользу общепринятыхъ понятій, выражаемаго афоризмами въ родѣ: „что говорить всѣ, то правда“, или „гласъ народа—гласъ Божій“. Съ другой стороны, раскрываемый обзоромъ прошлаго фактъ, что большинство обыкновенно было неправо, не долженъ заставлять насъ не видѣть дополнительнаго факта, что большинство обыкновенно было не вполнѣ неправо. Предохранять себя отъ этихъ крайно-

стей—необходимое условіе для мысленія въ общечеловѣческомъ духѣ; поэтому намъ полезно будетъ приобрести средство обезопасить себя отъ нихъ, сдѣлавъ оцѣнку мнѣній вообще. Для этого мы должны разсмотрѣть, каково обыкновенное отношеніе между мнѣніями и фактами. Сдѣлаемъ это на одномъ изъ тѣхъ мнѣній, которыя въ той или другой формѣ господствовали у всѣхъ народовъ во всѣ времена.

§ 2. Древнѣйшія преданія представляютъ правителей богами или полубогами. Первоначальные цари были считаемы своими подданными за существа сверхъестественныя и по ихъ происхожденію и по власти. Они имѣли божественныя титулы; имъ воздавали знаки почитанія, подобныя поклоненію предъ алтарями божествъ; иногда и дѣйствительно поклонялись имъ какъ богамъ. Если надобно доказывать, что качества боговъ или полубоговъ, первоначально приписывавшіяся монархамъ, приписывались имъ въ буквальномъ смыслѣ, то доказательствомъ служить тотъ фактъ, что еще остаются дикія племена, полагающія, что вождь и его родъ имѣютъ небесное происхожденіе, и другія племена, полагающія, что только у вождей есть душа. При мнѣніяхъ такого рода, существовали, разумѣется, и мнѣнія, что правитель имѣетъ неограниченную власть надъ своими подданными, безусловное обладаніе ими, простирающееся до права по произволу лишать ихъ жизни; какъ и остается это на островахъ Фиджи, гдѣ жертва стоитъ свободно въ ожиданіи быть убитою по слову своего вождя, и сама объявляетъ: „что говоритъ царь, то слѣдуетъ сдѣлать“.

Во времена, нѣсколько менѣе варварскія, и у племенъ, нѣсколько менѣе дикихъ, мы находимъ эти мнѣнія нѣсколько видоизмѣнившимися. Въмѣсто того, чтобы считать буквально монарха богомъ или полубогомъ, его считаютъ человѣкомъ, имѣющимъ божественную власть или нѣсколько божественную природу. Но за нимъ сохраняются, какъ видимъ и теперь на востокѣ, титулы, выражающіе его небесное происхожденіе или родство, и его привѣтствуютъ формами и словами такими же смиренными, какъ тѣ, съ какими обращаются къ божеству. Жизнь и собственности его подданныхъ фактически находятся не такъ безгранично въ его власти, но теоретически такъ же считаются вполне принадлежащими ему.

При позднѣйшемъ прогрессѣ цивилизаціи, напримѣръ, въ средніе вѣка въ Европѣ, господствующія мнѣнія объ отношеніяхъ между правителями и подвластными подвергаются дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Теорія божественнаго происхожденія замѣняется теоріею божественнаго права. Король уже не богъ, или полубогъ, и даже не потомокъ божества; онъ теперь считается только намѣстникомъ бога. Формы смиренія въ обращеніяхъ къ нему ужъ не до-

ходить до крайности; и его священные титулы утратили многое изъ своего прежняго значенія, причежь, его власть перестала быть безграничною. Подданные не признають за нимъ права располагать по произволу ихъ жизнью и собственностью, и подвластны ему лишь въ томъ смыслѣ, что повинуются его приказаніямъ.

Съ развитіемъ политическихъ понятій явилось еще большее ограниченіе власти государя. Убъжденіе въ сверхъестественности природы правителя, давно отброшенное, напримѣръ, нами, англичанами, оставило по себѣ только влеченіе у простолюдиновъ приписывать монарху необыкновенную доброту, мудрость и красоту. Вѣрность подданаго, первоначально означавшая безусловную покорность волѣ короля, теперь означаетъ лишь чисто номинальное признание своей подчиненности ему и соблюденіе нѣкоторыхъ формъ почтительности. Наша (англійская) политическая практика и наша политическая теорія равно отвергають тѣ прерогативы королевской власти, которыя прежде принимались за безспорныя. Низложивъ нѣсколько королей и поставивъ на ихъ мѣста другихъ, мы (англичане) подвергли отрицанію не только принадлежность тому или другому человѣку божественныхъ правъ управлять нами, но и то, что они имѣють какое-нибудь право управлять нами, кромѣ правъ, даваемыхъ согласіемъ націи. Наши формы рѣчи и наши государственные документы еще говорятъ, что граждане—подданные правители; значеніе нашихъ дѣйствительныхъ мнѣній и ежедневныхъ дѣлъ нашей жизни противоположны этому. Мы повинемся только тѣмъ законамъ, которые составляемъ для себя сами. Мы совершенно лишили монарха законодательной власти, и немедленно возстали бы противъ проявленія ея царствующимъ лицомъ, хотя бы въ самомъ мелкомъ дѣлѣ. Словомъ: первоначальная доктрина почти совершенно исчезла у насъ, англичанъ.

Мы отвергли первобытныя политическія мнѣнія не тѣмъ одними, что перенесли власть съ самодержца на собраніе представителей. Нынѣшнія мысли о правительствѣ, какова бы ни была его форма, очень непохожи на прежнія. Демократическія-ль, деспотическія-ль, правительства въ древнія времена считались имѣющими неограниченную власть надъ своими подданными. Человѣкъ существовалъ тогда для пользы государства, а не государство для пользы человѣка. А теперь, не только воля государя замѣнена во многихъ странахъ волею націи, но и власть воли націи ограничена кругомъ, гораздо болѣе прежняго тѣснымъ. Въ Англии, напримѣръ, хотя не установлено никакой определенной теоріи, назначающей границы правительственной власти, на практикѣ поставлены ей границы, молча признаваемые всѣми. У англичанъ нѣтъ органическаго закона, который формально

объявлять бы, что законодательная власть не может по произволу располагать жизнью гражданъ, какъ дѣлали въ давнія времена цари, приносившіе гекатомбы жертвъ; но если бы англійская законодательная власть сдѣлала подобную попытку — случай, конечно, невозможный — результатомъ была бы погибель ея самой, а не гражданъ. Какъ твердо оградили мы (англичане) личные права подданнаго отъ нарушеній ихъ государственною властью, быстро было бы доказано, если бы было предложено обратить актомъ парламента націю или какой-нибудь классъ ея на работу для общественныхъ дѣлъ, какъ брали народъ на работу первобытные правители. И если бы какой-нибудь государственный человѣкъ предложилъ перераспределеніе собственности, какое дѣлалось иногда въ древнихъ демократическихъ обществахъ, онъ встрѣтилъ бы тысячуотное отрицаніе власти государства надъ частнымъ имуществомъ. Не одни эти основныя права гражданина поставлены теперь въ безопасность отъ притязаній государства, но и многія, менѣе важныя. Давно вышли изъ употребленія законы, регулирующие одежду и образъ жизни, и всякая попытка оживить ихъ обнаружилла бы владычество мнѣнія, что эти предметы находятся внѣ сферы контролированія законами. Уже нѣсколько вѣковъ мы (англичане) защищали на практикѣ, а теперь установили и въ теоріи право каждаго человѣка избирать самому для себя религіозныя мнѣнія, вмѣсто того, чтобы получать ихъ отъ государственной власти. Въ послѣднія десятилѣтія мы ввели у себя полную свободу слова, наперекоръ всѣмъ законодательнымъ попыткамъ уничтожить или ограничить ее. А послѣ того мы стали требовать и наконецъ получили, за немногими исключительными ограниченіями, свободу торговать съ кѣмъ намъ угодно. Такимъ образомъ, наши политическія мнѣнія очень далеко расходятся съ первобытными не только относительно того, кому собственно принадлежитъ власть управлять націею, но и относительно размѣра этой власти.

Пере мѣна не ограничивается этимъ. Кромѣ тѣхъ среднихъ мнѣній, о которыхъ мы говорили, какъ о господствующихъ у насъ, существуетъ широко распространенное мнѣніе, идущее въ томъ же направленіи еще дальше. Есть люди, говорящіе, что кругъ власти правительства долженъ быть стѣсненъ еще больше, чѣмъ теперь въ Англии. Ученіе новаго времени, что государство существуетъ для пользы гражданъ, въ такой значительной степени подорвавшее прежнюю теорію, что граждане существуютъ для пользы государства, должно быть по мнѣнію ихъ примѣнено къ жизни во всѣхъ своихъ логическихъ выводахъ. Они думаютъ, что свобода лица священна и должна быть ограничиваема только такою же свободою другихъ лицъ; что законо-

дательная власть не имѣетъ права подвергать ее никакимъ дальнѣйшимъ ограничениямъ: не можетъ запрещать никакихъ дѣйствій, допускаемыхъ закономъ равенства свободы для всѣхъ, и не можетъ брать съ людей ничего, кромѣ необходимаго на расходы, требуемые охраненіемъ этого закона. Они говорятъ, что единственная функція государства — защищать людей другъ отъ друга и отъ иноземнаго врага. Во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ постоянно дѣйствуетъ очевидная тенденція расширять свободу лица и ограничивать функціи государства; потому, надобно думать, говорятъ они, что окончательнымъ политическимъ состояніемъ должно быть такое, въ которомъ до крайней возможности расширена личная свобода и уменьшена правительственная власть; то есть, такое, въ которомъ свобода каждого лица не имѣетъ никакой границы, кромѣ такой же свободы всѣхъ, а единственная обязанность правительства — охранять эти границы.

Итакъ, мы находимъ въ разныхъ времена и въ разныхъ странахъ очень несходныя мнѣнія о происхожденіи власти и кругѣ дѣятельности правительства; и перечисленные нами главные разряды мнѣній подраздѣляются на безчисленные виды. Какъ же думать о справедливости или ошибочности этихъ мнѣній? За исключеніемъ нѣсколькихъ варварскихъ племенъ, мысль, что монархъ — богъ или полубогъ, повсюду считается нелѣпостью, почти превышающею границу человѣческаго легковѣрія. Лишь въ немногихъ странахъ уцѣлѣло неопредѣленное представленіе, что правитель обладаетъ какими-нибудь сверхъестественными качествами. Изъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, которыя принимаютъ еще мысль о божественномъ правѣ правительствъ, почти всѣ ужь давно отвергли божественное право государей. У другихъ вымираетъ мнѣніе, что въ постановленіяхъ законовъ есть нѣчто священное: законы начинаютъ считаться лишь результатомъ соглашеній. А крайняя школа думаетъ, что правительства не имѣютъ самобытной власти, и никакое соглашеніе не можетъ дать имъ ея; что они имѣютъ власть лишь для охраненія моральныхъ принциповъ, проистекающихъ изъ существенныхъ условий общественной жизни. Должны ли мы сказать, что изъ этихъ разныхъ мнѣній съ ихъ безчисленными видоизмѣненіями только одно совершенно справедливо, а всѣ остальные совершенно ошибочны? Или мы должны сказать, что каждое изъ нихъ содержитъ въ себѣ истину, болѣе или менѣе закрытую заблужденіями? Анализъ принудитъ насъ принять вторую альтернативу. Какъ ни смѣшны могутъ казаться нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній людямъ, не воспитаннымъ въ нихъ, каждое изъ нихъ имѣетъ своимъ жизненнымъ элементомъ признаніе безспорнаго факта. Прямо или косвенно, каждое изъ нихъ говорить о подчиненіи поступковъ отдѣльнаго лица общественнымъ надоб-